

Литературная гостиная «Любовь в жизни и творчестве И.С.Тургенева»

**Фомичева Н.А.,
МАОУ «Школа № 53»,
Ростов-на-Дону**

Цели для учителя:

- проследить, как показывает чувство любви И.С. Тургенев в повести «Первая любовь» и романе «Отцы и дети»;
- воспитывать познавательный интерес к русской классической литературе.

Цели для учеников:

- познакомиться с историей любви Тургенева к Полине Виардо;
- определить авторскую позицию в раскрытии влияния чувства любви на изменение внутреннего мира героев

Участники гостиной: обучающиеся 10-х классов

Оборудование:

мультимедийный проектор, компьютер, экран, мультимедийная презентация, выставка книг Тургенева, портреты Тургенева и П. Виардо.

Музыкальное сопровождение:

Романс «Утро туманное, утро седое...». Муз. Э. Абаза, сл. И.С. Тургенева.
Романс к фильму «Отцы и дети», 2008 г
С. Рахманинов «Элегия».
Л.В. Бетховен «Лунная соната».

Учебный материал:

Повесть «Первая любовь», роман «Отцы и дети», стихотворение в прозе «Когда меня не будет», отрывки из книги «И.С. Тургенев в воспоминаниях современников»

Виды деятельности: отбор текстового материала, смысловое, выразительное чтение фрагментов текста, инсценирование эпизода; оформление классной комнаты, подбор музыкального сопровождения

Классная комната оформлена в стиле литературной гостиной – на столах скатерти, свечи, на доске – портреты И.С. Тургенева, П. Виардо, на подиуме возле доски - вазы с цветами.

1 ученик. «Любовь... сильнее смерти и страха смерти. Только ею, только любовью держится и движется жизнь» Это строки из стихотворения в прозе И.С. Тургенева «Воробей». Их мы взяли в качестве эпитафии к нашему вечеру.

2 ученик. Сегодня мы поговорим об Иване Сергеевиче Тургеневе – писателе с мировым именем, знаменитом романисте, нежном лирике и просто великолепном человеке, оставившем после себя яркий след в литературе и в сердцах своих читателей.

А начнем мы с романа на его стихи. Называется он «В дороге».

(Звучит романс в исполнении С.Захарова. Презентация – усадьба Спасское-Лутовиново)

1 ученик. Любовь...Как много в этом слове! Наверное, сложно найти писателя или поэта, который не писал бы об этом чувстве.

Тургенев с полным правом можно назвать великим певцом любви. Он был глубоко убежден в том, что жизнь, каждый шаг человека в ней должны быть освящены любовью и верой в торжество добра и справедливости.

И вот именно для того, чтобы провести человека через самое большое жизненное испытание - через испытание любовью и таким образом показать, на что он может быть способен, Тургенев и создавал такие произведения, как "Первая любовь".

2 ученик. В этой лирической повести рассказана история женского сердца, рассказана с большим уважением к чувству сильного и способного на жертву человека.

Героиня "Первой любви" - Зинаида, в которой было не только стремление к самоутверждению, но много пустого кокетства, сумела, полюбив, преодолеть и свой эгоизм и даже гордость. Она решилась на очень дерзкий и необычный для девушки ее круга поступок.

Однако независимости и счастья, к которым Зинаида столь сильно стремилась, она так и не достигла. Мир пошлости раздавил эту волевою и одаренную натуру. Ее жизнь сложилась трагически.

"Странное время" и те жизненные условия, в которых воспитывались и выросли его герои, утверждал Тургенев, породили "странных" людей

1 ученик. В этом смысле характерны не только образ и судьба Зинаиды, но и образ и судьба Петра Васильевича - отца героя повести Володи.

Он, так же как и Зинаида, человек далеко не заурядный. Стремясь подчеркнуть значительность его личности, писатель окружает ее даже ореолом некоторой таинственности. Он фиксирует внимание на характерном для Петра Васильевича властолюбии, на его деспотическом эгоизме.

Но и Петр Васильевич, этот по-своему сильный и необычный человек, также не находит своего счастья, зря растрчивает свои силы и способности.

2 ученик. Интересно отметить, что прототипом Петра Васильевича, по признанию самого Тургенева, был его отец - человек, которого писатель очень хорошо знал, которым и восхищался и которого всегда очень жалел.

Вот что однажды рассказал Тургенев о своем герое и его прототипе: "В "Первой любви"<...> я изобразил своего отца<...> Отец мой был красавец<...> Он был очень хорош - настоящей русской красотой. Он обыкновенно держал себя холодно, неприступно, но стоило ему захотеть понравиться, - в его лице, в его манерах появлялось что-то неотразимо очаровательное..."¹

Пожалуй, ни одно его произведение не было до такой степени автобиографично, как "Первая любовь". "Это единственная вещь, - говорил писатель, - которая мне самому до сих пор доставляет удовольствие, потому что это сама жизнь, это не сочинено... "Первая любовь" - это пережито"¹. "...я не придумывал этой повести, - писал Тургенев Ламберт, - она дана мне была целиком самой жизнью". В другой раз он рассказывал: "...в "Первой любви"<...> описано действительное происшествие без малейшей прикраски, и при перечитывании действующие лица встают как живые предо мною".

1 ученик. Встают эти лица, как живые, и перед нами, читателями. От всех страниц этой повести, уводящей нас в юность писателя, от всех изображенных в ней событий и переживаний его главного героя - Володи, под чьим именем Тургенев, по его собственному признанию, изобразил самого себя, веет такой правдой жизни, что усомниться в ней невозможно.

Подготовленные ученики читают отрывки из повести «Первая любовь».

Вдруг мне послышались голоса; я взглянул через забор — и окаменел... Мне представилось странное зрелище. В нескольких шагах от меня — на поляне, между кустами зеленой малины, стояла высокая стройная девушка в полосатом розовом платье и с белым платочком на голове; вокруг нее теснились четыре молодые человека, и она поочередно хлопала их по лбу теми небольшими серыми цветками, которых имени я не знаю, но которые хорошо знакомы детям: эти цветки образуют небольшие мешечки и разрываются с треском, когда хлопнешь ими по чему-нибудь твердому. Молодые люди так охотно подставляли свои лбы — а в движениях девушки (я ее видел сбоку) было что-то такое очаровательное, повелительное, ласкающее, насмешливое и милое, что я чуть не вскрикнул от удивления и удовольствия и, кажется, тут же бы отдал всё на свете, чтобы только и меня эти прелестные пальчики

хлопнули по лбу. Ружье мое соскользнуло на траву, я всё забыл, я пожирал взором этот стройный стан, и шейку, и красивые руки, и слегка растрепанные белокурые волосы под белым платочком, и этот полузакрытый умный глаз, и эти ресницы, и нежную щеку под ними... — Молодой человек, а молодой человек, — проговорил вдруг подле меня чей-то голос, — разве позволительно глядеть так на чужих барышень? Я вздрогнул весь, я обомлел... Возле меня за забором стоял какой-то человек с коротко остриженными черными волосами и иронически посматривал на меня. В это самое мгновение и девушка обернулась ко мне... Я увидел огромные серые глаза на подвижном, оживленном лице — и всё это лицо вдруг задрожало, засмеялось, белые зубы сверкнули на нем, брови как-то забавно поднялись... Я вспыхнул, схватил с земли ружье и, преследуемый звонким, но не злым хохотаньем, убежал к себе в комнату, бросился на постель и закрыл лицо руками. Сердце во мне так и прыгало; мне было очень стыдно и весело: я чувствовал небывалое волнение. Отдохнув, я причесался, почистился и сошел вниз к чаю. Образ молодой девушки носился передо мною, сердце перестало прыгать, но как-то приятно сжималось.

Моя «страсть» началась с того дня. Я, помнится, почувствовал тогда нечто подобное тому, что должен почувствовать человек, поступивший на службу: я уже перестал быть просто молодым мальчиком; я был влюбленный. Я сказал, что с того дня началась моя страсть; я бы мог прибавить, что и страдания мои начались с того же самого дня. Я изнывал в отсутствие Зинаиды: ничего мне на ум не шло, всё из рук валилось, я по целым дням напряженно думал о ней... Я изнывал... но в ее присутствии мне не становилось легче. Я ревновал, я сознавал свое ничтожество, я глупо дулся и глупо раболепствовал — и все-таки непреодолимая сила влекла меня к ней, и я всякий раз с невольной дрожью счастья переступал порог ее комнаты. Зинаида тотчас же догадалась, что я в нее влюбился, да я и не думал скрываться; она потешалась моей страстью, дурачила, баловала и мучила меня. Сладко быть единственным источником, самовластной и безответной причиной величайших радостей и глубочайшего горя для другого — а я в руках Зинаиды был как мягкий воск. Впрочем, не я один влюбился в нее: все мужчины, посещавшие ее дом, были от ней без ума — и она их всех держала на привязи, у своих ног. Ее забавляло возбуждать в них то надежды, то опасения, вертеть ими по своей прихоти (это она называла: стукать людей друг о друга) — а они и не думали сопротивляться и охотно покорялись ей. Во всем ее существе, живучем и красивом, была какая-то особенно обаятельная смесь хитрости и беспечности, искусственности и простоты, тишины и резвости; над всем, что она делала, говорила, над каждым ее движением носилась тонкая, легкая прелесть, во всем сказывалась своеобразная, играющая сила. И лицо ее беспрестанно менялось, играло тоже: оно выражало, почти в одно и то же время, — насмешливость, задумчивость и страстность. Разнообразнейшие чувства, легкие, быстрые, как тени облаков в солнечный ветреный день, перебегали то и дело по ее глазам и губам.

2 ученик. В "Первой любви" Тургенев раскрывает трагическую сторону "роковой любви". Удивительно точно передавая все оттенки чувств, которые вызывает у человека эта страшная загадочная любовь, любовь-страсть, переменчивая и капризная, писатель показывает, как, властно увлекая влюбленного, она не только делает его своим рабом, но и вовсе разрушает всю его жизнь.

На улице, в сорока шагах от меня, пред раскрытым окном деревянного домика, спиной ко мне стоял мой отец; он опирался грудью на оконницу, а в домике, до половины скрытая занавеской, сидела женщина в темном платье и разговаривала с отцом; эта женщина была Зинаида. Я остолбенел. Этого я, признаюсь, никак не ожидал. Первым движением моим было убежать. «Отец оглянется, — подумал я, — и я пропал...». Но странное чувство, чувство сильнее любопытства, сильнее даже ревности, сильнее страха — остановило меня. Я стал глядеть, я силился прислушаться. Казалось, отец настаивал на чем-то. Зинаида не соглашалась. Я как теперь вижу ее лицо — печальное, серьезное, красивое и с непередаваемым отпечатком преданности, грусти, любви и какого-то отчаяния — я другого слова подобрать не могу. Она произносила односложные слова, не поднимала глаз и только улыбалась — покорно и упрямо. По одной этой улыбке я узнал мою прежнюю Зинаиду. Отец повел плечами и поправил шляпу на голове, что у него всегда служило признаком нетерпения... Потом послышались слова: «Vous devez vous séparer de cette...»² Зинаида выпрямилась и протянула руку... Вдруг в глазах моих совершилось невероятное дело: отец внезапно поднял хлыст, которым сбивал пыль с полы своего сюртука, — и послышался резкий удар по этой обнаженной до локтя руке. Я едва удержался, чтобы не вскрикнуть, а Зинаида вздрогнула, молча посмотрела на моего отца и, медленно поднеся свою руку к губам, поцеловала заалевшийся на ней рубец. Отец швырнул в сторону хлыст и, торопливо взбежав на ступеньки крылечка, ворвался в дом... Зинаида обернулась — и, протянув руки, закинув голову, тоже отошла от окна. С замиранием испуга, с каким-то ужасом недоумения на сердце бросился я назад и, пробежав переулок, чуть не упустив Электрика, вернулся на берег реки. Я не мог ничего сообразить. Я знал, что на моего холодного и сдержанного отца находили иногда порывы бешенства, и все-таки я никак не мог понять, что я такое видел... Но я тут же почувствовал, что, сколько бы я ни жил, забыть это движение, взгляд, улыбку Зинаиды было для меня навсегда невозможно, что образ ее, этот новый, внезапно представший передо мною образ, навсегда запечатлелся в моей памяти. Я глядел бессмысленно на реку и не замечал, что у меня слезы лились. «Ее бьют, — думал я, — бьют... бьют...».

«Вот это любовь, — говорил я себе снова, сидя ночью перед своим письменным столом, на котором уже начали появляться тетради и книги, — это страсть!.. Как, кажется, не возмутиться, как снести удар от какой бы то ни было!.. от самой милой руки! А, видно, можно, если любишь... А я-то... я-то воображал...»

1 ученик. В любом тургеневском романе герои проведены через любовь к женщине, через самое личное из всех человеческих чувств. Тургенев делал это не только для полноты и многогранности образа. В его романах любовь является одним из основных моментов раскрытия характера героя.

2 ученик. И конечно, такой точности и правдивости в описании переживаний своих героев Тургенев достигает не только благодаря огромному художественному мастерству, но и потому, что все эти чувства были пережиты им самим.

Так, все связанное с "роковой любовью" - в основном автобиографично. На все описания ее словно легла трагическая тень испытанных Тургеневым страданий из-за неудавшейся личной жизни.

В этом, очевидно, и заключается разгадка того, что, рассказывая о тяжелых переживаниях своих героев, ставших жертвами "роковой любви", писатель неизменно стремился понять причины ее власти и найти таким образом им оправдание: вместе со своими героями он каждый раз хотел оправдать и самого себя. Послушаем историю Павла Петровича.

Подготовленный ученик читает отрывок из романа

Павел Петрович встретил ее на одном бале, протанцевал с ней мазурку, в течение которой она не сказала ни одного путного слова, и влюбился в нее страстно. Привыкший к победам, он и тут скоро достиг своей цели; но легкость торжества не охладила его. Напротив: он еще мучительнее, еще крепче привязался к этой женщине, в которой даже тогда, когда она отдавалась безвозвратно, все еще как будто оставалось что-то заветное и недоступное, куда никто не мог проникнуть. Что гнездилось в этой душе — Бог весть! Казалось, она находилась во власти каких-то тайных, для нее самой неведомых сил; они играли ею, как хотели; ее небольшой ум не мог сладить с их прихотью. Все ее поведение представляло ряд несообразностей; единственные письма, которые могли бы возбудить справедливые подозрения ее мужа, она написала к человеку почти ей чужому, а любовь ее отзывалась печалью; она уже не смеялась и не шутила с тем, кого избирала, и слушала его и глядела на него с недоумением. Иногда, большею частью внезапно, это недоумение переходило в холодный ужас; лицо ее принимало выражение мертвенное и дикое; она запиралась у себя в спальне, и горничная ее могла слышать, припав ухом к замку, ее глухие рыдания. Не раз, возвращаясь к себе домой после нежного свидания, Кирсанов чувствовал на сердце ту разрывающую и горькую досаду, которая поднимается в сердце после окончательной неудачи. «Чего же хочу я еще?» — спрашивал он себя, а сердце все ныло. Он однажды подарил ей кольцо с вырезанным на камне сфинксом. — Что это? — спросила она, — сфинкс? — Да, — ответил он, — и этот сфинкс — вы. — Я? — спросила она и медленно подняла на него свой загадочный взгляд. — Знаете ли, что это очень лестно? — прибавила она с незначительною усмешкой, а глаза глядели все так же странно. Тяжело было Павлу Петровичу даже тогда, когда княгиня Р. его любила; но когда она охладела к нему, а это случилось довольно скоро, он чуть с ума не сошел. Он терзался и ревновал, не давал ей покою, таскался за ней повсюду; ей надоело его неотвязное преследование, и она уехала за границу. Он вышел в отставку, несмотря на просьбы приятелей, на увещания начальников, и отправился вслед за

княгиней; года четыре провел он в чужих краях, то гоняясь за нею, то с намерением теряя ее из виду; он стыдился самого себя, он негодовал на свое малодушие... но ничто не помогало. Ее образ, этот непонятный, почти бессмысленный, но обаятельный образ слишком глубоко внедрился в его душу. В Бадене он как-то опять сошелся с нею по-прежнему; казалось, никогда еще она так страстно его не любила... но через месяц все уже было кончено: огонь вспыхнул в последний раз и угас навсегда. Предчувствуя неизбежную разлуку, он хотел, по крайней мере, остаться ее другом, как будто дружба с такою женщиной была возможна... Она тихонько выехала из Бадена и с тех пор постоянно избегала Кирсанова. Он вернулся в Россию, попытался зажить старую жизнь, но уже не мог попасть в прежнюю колею. Как отравленный, бродил он с места на место; он еще выезжал, он сохранил все привычки светского человека; он мог похвастаться двумя, тремя новыми победами; но он уже не ждал ничего особенного ни от себя, ни от других и ничего не предпринимал. Он состарился, поседел; сидеть по вечерам в клубе, желчно скучать, равнодушно поспорить в холостом обществе стало для него потребностью, — знак, как известно, плохой. О женитьбе он, разумеется, и не думал. Десять лет прошло таким образом, бесцветно, бесплодно и быстро, страшно быстро. Нигде время так не бежит, как в России; в тюрьме, говорят, оно бежит еще скорей. Однажды, за обедом, в клубе, Павел Петрович узнал о смерти княгини Р. Она скончалась в Париже, в состоянии близком к помешательству. Он встал из-за стола и долго ходил по комнатам клуба, останавливаясь как вкопанный близ карточных игроков, но не вернулся домой раньше обыкновенного. Через несколько времени он получил пакет, адресованный на его имя: в нем находилось данное им княгине кольцо. Она провела по сфинксу крестообразную черту и велела ему сказать, что крест — вот разгадка.

1 ученик. Испытание любовью становится для героя романа «Отцы и дети» Евгения Базарова рубежным. И как подходят сюда слова самого Тургенева о том, что «любовь — вовсе даже не чувство; она — болезнь, известное состояние души и тела; она не развивается постепенно; в ней нельзя сомневаться, с ней нельзя хитрить; обыкновенно она овладевает человеком без спроса, против его воли — ни дать ни взять холера или лихорадка. В любви одно лицо — раб, а другое — властелин»

В начале романа мы видим вот такого Базарова.

Инсценировка эпизода

— Ну, словом, — продолжал Аркадий, — он глубоко несчастлив, поверь мне; презирать его — грешно.

— Да кто его презирает? — возразил Базаров. — А я все-таки скажу, что человек, который всю свою жизнь поставил на карту женской любви и когда ему эту карту убили, раскис и опустился до того, что ни на что не стал способен, такой человек — не мужчина, не самец. Ты говоришь, что он несчастлив: тебе лучше знать; но дурь из него не вся вышла. Я уверен, что он не шутя воображает себя дельным человеком, потому что читает Галиньяшку и раз в месяц избавит мужика от экзекуции.

— Да вспомни его воспитание, время, в которое он жил, — заметил Аркадий.

— Воспитание? — подхватил Базаров. — Всякий человек сам себя воспитать должен — ну хоть как я, например... А что касается до времени — отчего я от него зависеть буду? Пускай же лучше оно зависит от меня. Нет, брат, это все распущенность, пустота! И что за таинственные отношения между мужчиной и женщиной? Мы, физиологи, знаем, какие это отношения. Ты проштудируй-ка анатомию глаза: откуда тут взяться, как ты говоришь, загадочному взгляду? Это все романтизм, чепуха, гниль, художество. Пойдем лучше смотреть жука.

И вот мы наблюдаем изменения, происходящие с Базаровым.

На фоне романса из фильма «Отцы и дети» подготовленный ученик читает:

Настоящею причиной всей этой «новизны» было чувство, внушенное Базарову Одинцовой, — чувство, которое его мучило и бесило и от которого он тотчас отказался бы с презрительным хохотом и циническою бранью, если бы кто-нибудь хотя отдаленно намекнул ему на возможность того, что в нем происходило. Базаров был великий охотник до женщин и до женской красоты, но любовь в смысле идеальном, или, как он выражался, романтическом, называл белибердой, непростительною дурью, считал рыцарские чувства чем-то вроде уродства или болезни и не однажды выражал свое удивление: почему не посадили в желтый дом Тоггенбурга со всеми миннезингерами и трубадурами? «Нравится тебе женщина, — говаривал он, — старайся добиться толку; а нельзя — ну, не надо, отвернись — земля не клином сошлась». Одинцова ему нравилась: распространенные слухи о ней, свобода и независимость ее мыслей, ее несомненное расположение к нему — все, казалось, говорило в его пользу; но он скоро понял, что с ней «не добьешься толку», а отвернуться от нее он, к изумлению своему, не имел сил. Кровь его загоралась, как только он вспоминал о ней; он легко сладил бы с своею кровью, но что-то другое в него вселилось, чего он никак не допускал, над чем всегда трунил, что возмущало всю его гордость. В разговорах с Анной Сергеевной он еще больше прежнего высказывал свое равнодушное презрение ко всему романтическому; а оставшись наедине, он с негодованием сознавал романтика в самом себе. Тогда он отправлялся в лес и ходил по нем большими шагами, ломая попадавшиеся ветки и браня вполголоса и ее и себя; или забирался на сеновал, в сарай, и, упрямо закрывая глаза, заставлял себя спать, что ему, разумеется, не всегда удавалось. Вдруг ему представится, что эти целомудренные руки когда-нибудь обовьются вокруг его шеи, что эти гордые губы ответят на его поцелуи, что эти умные глаза с нежностью — да, с нежностью остановятся на его глазах, и голова его закружится, и он забудется на миг, пока опять не вспыхнет в нем негодование. Он ловил самого себя на всякого рода «постыдных» мыслях, точно бес его дразнил.

В качестве сопровождения - презентация – слайды из фильма.

Как видим, из нигилиста, отрицающего все, кроме физиологии, Базаров превращается в романтика. И делает это любовь. Которая сильнее смерти. И на смертном одре Базаров признает это.

1 ученик. А что же сам автор романов? Выдержал ли он испытание любовью. Да. Сорок лет он любил одну женщину.

2 ученик. День 1 ноября 1843 года стал незабываемым для Тургенева, его представили молодой и уже знаменитой французской певице, испанке по рождению, Полине Виардо, приехавшей в Санкт-Петербург с гастрольями. Тургенев говорил: «С той минуты, как я увидел ее в первый раз, я принадлежал ей весь. Я уже не мог жить нигде, где она не жила, я оторвался разом от всего мне дорогого, от самой родины, и пустился вслед за этой женщиной...»

1 ученик. Он сохранит горячую привязанность к замужней женщине, последует за ней за границу, где, в конце концов, проведет большую часть своей жизни и лишь наездами будет бывать на родине. В одном из своих писем Тургенев сравнил себя с птицей, которая два раза в год совершает перелет: весной отправляется в русскую деревню, а осенью возвращается в Париж, к ней... Знакомство с Виардо продлится всю жизнь, превратившись в одну из величайших историй любви в мире...

2 ученик. Неизлечимая болезнь омрачила последние годы жизни Тургенева. Но он был по-своему счастлив – рядом с ним была его Полина, которой он диктовал последние рассказы и письма. 3-го сентября 1883 года Тургенев скончался.

На фоне музыки подготовленным учеником читается стихотворение «Когда меня не будет»

Когда меня не будет, когда все, что было мною, рассыплется прахом, – о ты, мой единственный друг, о ты, которую я любил так глубоко и так нежно, ты, которая наверно переживешь меня, – не ходи на мою могилу... Тебе там делать нечего.

Не забывай меня... но и не вспоминай обо мне среди ежедневных забот, удовольствий и нужд... Я не хочу мешать твоей жизни, не хочу затруднять ее спокойное течение.

Но в часы уединения, когда найдет на тебя та застенчивая и беспричинная грусть, столь знакомая добрым сердцам, возьми одну из наших любимых книг и отыщи в ней те страницы, те строки, те слова, от которых, бывало, – помнишь? – у нас обоих разом выступали сладкие и безмолвные слезы.

Прочти, закрой глаза и протяни мне руку... Отсутствующему другу протяни руку твою.

Я не буду в состоянии пожать ее моей рукой – она будет лежать неподвижно под землю... но мне *теперь* отраднее думать, что, быть может, ты на *твоей* руке почувствуешь легкое прикосновение.

И образ мой предстанет тебе – и из-под закрытых век твоих глаз польются слезы, подобные тем слезам, которые мы, умиленные Красотою, проливали некогда с тобою вдвоем, о ты, мой единственный друг, о ты, которую я любил так глубоко и так нежно!

1 ученик. После смерти Тургенева Полина Виардо прожила 27 лет. Она по-прежнему вела активный образ жизни, много ездила, давала уроки музыки. Только с того трагического дня все оставшиеся годы она не снимала траура и писала письма на листках с траурной лентой в уголке.

Так закончилась долгая любовь двух гениальных личностей – великого русского писателя и знаменитой французской певицы. Тургенев и Полина Виардо пронесли это нежное чувство через всю свою жизнь. Оно помогало им жить и творить.

Учитель. Заканчивая наш вечер, я бы хотела вернуться к нашему эпиграфу: «Любовь сильнее смерти...» Ведь и сегодня, спустя много лет, говоря о Тургеневе, мы вспоминаем эту историю любви, как одну из величайших в мире.

Закрыта книга... Белые страницы,
Сомкнувшись накрепко, не шелестят,
Но мысли, как встревоженные птицы,
Куда-то вдаль без устали летят.

Свое волнение в душе не скрою,
Вновь образы из памяти зову,
И светлый мир тургеньевских героев
Встает передо мною наяву.

Героев радости и огорченья,
Боль отреченья и любви слова.
Здесь в каждой строчке есть свое значенье.
Рождает мысли каждая глава.

Жизнь тороплива, не стоит на месте,
Мир переменчив каждый день и час,
Но вечные вопросы долга, чести,
Любви, добра всегда тревожат нас!

И я страницу открываю снова,
Вновь вчитываюсь в строчки, не спеша.
И в светлый мир тургеньевского слова
Погружена опять душа моя ...

Используемая литература

1. Петров С.М. И.С. Тургенев. Жизнь и творчество. М.: Просвещение, 1968.
2. Полное собрание сочинений и писем И.С. Тургенева: В 28 т.; т. 6 М.;Л. 1960 – 1968.
3. Сценарии внеклассных тематических мероприятий по литературе, практическое пособие / [З. У. Губаева и др.]. Москва : Айрис-пресс : Айрис-Дидактика, 2006.
4. Тургенев в школе: Пособие для учителей/ Сост. Т.Ф. Курдюмова. М.: Просвещение, 1981.